

НАТУРАЛЬНОВА А. А.

СКАЗОЧНЫЕ КОНТЕКСТЫ В ПОЭМЕ Я. Я. КУЛДУРКАЕВА «ЭРЬМЕЗЬ»

Аннотация. В статье рассматриваются сказочные контексты в поэме Я. Я. Кулдуркаева «Эрьмезь». Определяется, как именно сказочные маркеры осваиваются в авторском тексте.

Ключевые слова: жанр, литературная сказка, фольклор, Эрьмезь, история, вымысел, фантастика.

NATURALNOVA A. A.

FAIRYTALE CONTEXTS IN THE POEM "ERMEZ" BY YA. YA. KULDURKAEV

Abstract. The article considers the fairytale contexts in the poem "Ermez" by Ya. Ya. Kuldurkaev. The author studies the ways of the development of fairytale markers in the author's text.

Keywords: genre, literary fairytale, folklore, Ermez, history, fiction, fantasy.

Поэма Я. Я. Кулдуркаева «Эрьмезь» (1935) содержит чрезвычайно мощный фольклорный контекст и на уровне вплетения в структуру фольклорных жанров, и на уровне использования устно-поэтической символики, и на уровне эксплуатации фольклорного мирозерцания. «Эрьмезь» содержит подзаголовок «Ёвкс кезэрень пингедь» («Сказка о древних временах»), позволяющий идентифицировать жанр как поэму-сказку, основанную на фантастическом вымысле. Заметим, что в последнее время у исследователей вырос интерес к литературной сказке [2].

В качестве вводного выступает эпизод подготовки к сельскому молению, несколько переосмысленный автором. Деревенский жрец созывает народ на сход, день которого назначает по своему усмотрению. Его помощник приглашает все село на праздничное моленье Богу, после этого хлеб размером с тележное колесо поднимает к солнцу, преклоняет к земле и просит Чипаза – Бога солнца: «Чипаз, кунсолук, маряк!// Тон марицясь, кода тикше касы,// Тон неицясь, кода пеште панжи.// Тон, марицясь, мерт Масторпазонтень// Чачмодо: сюронь-сюросо, тувонь – тувосо.// Кадык раштыть лишмензэ, скалонзо, ревензэ.// Минь тонеть макстано васень кши,//Тон миненек макст шумбрачи [3, с. 9]. (Чипаз, послушай и услышь! // Ты слышишь, как трава растет. // Ты видишь, как орех цветет. // Ты, слышавший, скажи Масторпазу// О плодородии: хлебу взойти хлебом, // Свинье родиться свиньей. // Пусть плодятся лошади, коровы, овцы. // Мы тебе дарим первый хлеб, // Ты нам дай доброго здоровья. – перевод наш.). После соответствующего ритуала старик Дуварма рассказывает историю о древних временах.

Е. А. Федосеева считает, что «вступление к поэме самая сильная ее часть, в ней есть высокая поэзия, хороший язык, воплощенный в певучем фольклорном стихе, представлен обряд подготовки и проведения моления, хотя и в рафинированной форме. Здесь чувствуется поэтическое вдохновение, нацеленность на создание произведения об исторической жизни эрзи и мокши в стародавние времена, когда ими руководили два сильных, оставивших в истории заметный след, князя – мокшанский Пурейша и эрзянский Пургас» [7, с. 23].

В повествовании, которое начинает Дуварма, предстает идеальный мир прошлого, когда земля была плодородна, мужчины – отважны и сильны, женщины – прекрасны и хозяйственны, скот – многочислен. Трудовая жизнь подобна празднику, но иногда он нарушается вмешательством нечистой силы и ведьмаков.

Художественное пространство поэмого мира пронизано деталями, заимствованными из фольклора. Например, симулированный обряд гадания, легенда об эрзянской богине воды Ведяве (образ которой здесь демонизируется), но более всего в тексте сказочных маркеров. Особенно мощно они начинают фигурировать в части, когда Эрмезь сватает Котову. Ее отец, мокшанский князь Пурейша, требует от претендента на руку дочери выполнить три невыполнимые задачи (традиционный сказочный прием): добыть кочедык, который сам плетет лапти; принести челнок, который сам прядет нитки; суметь переждать год до свадьбы.

Кроме этого, в поэме-сказке появляется традиционное распутье, как правило, побуждающее героя сделать жизненно важный выбор, что «позволяет раскрыться его внутренним силам, о которых и он сам не всегда подозревает» [7, с. 26]. Но у Я. Я. Кулдуркаева символы ведут себя нетрадиционно. Так, Эрмезь, оказавшись на перепутье, не может принять никакого решения и засыпает. В полночь появляется сидящая на свинье старуха, которой сын Пургаса излагает свою проблему, и она соглашается ему помочь: привозит его в свою избушку, кормит, поит, укладывает спать, затем провожает к дому своего брата – хранителя чудесного кочедыка. Очевидно, что образ кулдуркаевской старухи синонимичен образу сказочной Бабы-Яги, напоминающей тип русской Ягидарительницы [4, с. 53], которая сочувствует герою и помогает ему выполнить назначение. Эрмезь становится помощником пасечника, чтобы, улучшив момент, украсть у него кочедык. Эрмезь, в обычной жизни демонстрирующий неспособность быстро принимать решения, в исключительной ситуации обретает ловкость и хитрость и находит способ обмануть колдуна-пасечника. Здесь вновь поэт заставляет активизироваться сказочный контекст: его герой рубит огромный дуб, прорубает в стволе расщелину и вставляет в нее клин. В расщелину помещает свои руки, убеждая пасечника в том, что таким образом они быстро согреются. Старик доверяется хитрецу и оказывается в тисках у дерева. Эрмезь

забирает кочедык и относит родителям Котовы, которые сразу же придумывают для него новое испытание.

Ситуация повторяется по сложившейся схеме: Эрмезь ночью выходит на знакомую дорогу, засыпает, в полночь появляется пасечный старик на слепом жеребце, под давлением героя обещает помощь – отправляет его к своей сестре, хранящей волшебный челнок, на остров, находящийся посередине огромной реки. Река не пускает чужака, он ударяет по водной глади палкой и появляется мост, по которому он добирается до жилища старухи, получает волшебный челнок и стремится к Котове, мать которой объявляет, что свадьба будет только через год.

Очевидно, что автор прививает черты демонологической сказки к своей поэме, погружая главное действующее лицо в запретное пространство, в мир ведьмаков и нечистой силы. Такой прием понимается неоднозначно (наполняясь, между прочим, и смеховым содержанием [6]), поскольку изначально Эрмезь презентуется как сын эрзянского князя Пургаса, который есть реальное историческое лицо. И в историческом повествовании (историческом романе, повести, поэме) должны соблюдаться определенные правила при создании художественного образа исторического героя [см. об этом: 1; 8; 9].

Сказочные контексты переплетаются с историческими, когда Эрмезь отправляется биться с многочисленными врагами – Пурейша, поддержанный половцами и русскими князьями, нападает на княжество Пургаса. Собираясь на битву, Эрмезь умоляет мать и невесту внимательно следить за ножом, воткнутым в бревно: «Петниндеряй ведь те пшти пеельстэнтъ, // Мереди мондень: кармась сиземе. // Пургиндеряйтъ верть пеелентъ эйтэ, // Мереди: чавизь, кулось Эрмезенк [3, с. 58]. (Закапает вода с этого острого ножа, // Скажите обо мне: начал уставать. // Закапает кровь с ножа, // Скажите: убили, умер наш Эрмезь. – перевод наш).

Эрмезь уподобляется здесь герою известной сказки Ивану Быковичу: «На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: – Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польет – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне» [5, с. 78].

Битва, которая предстоит Эрмезю, воспринимается как один из неперенных элементов сюжета поэмы. В основе «Эрмезя» – сказочная схема, в соответствии с которой герой должен преодолеть три препятствия: два – несложных и третье, сопряженное с риском для жизни. Первые два испытания (добывание волшебного кочедыка и челнока) Эрмезь

преодолевают быстро. Третье испытание (удержать и защитить невесту) становится опасным для всех эрзян, потому что сражаться нужно будет с мокшанами, половцами и русскими одновременно. Сразу возникает аналогия с трехголовым Змеем Горынычем [7, с. 30-33]. Эрмезь, как сказочный богатырь, вступает в противостояние с воинством, имеющим три «головы» – половецкую, мокшанскую, русскую.

Еще один любопытный сказочный маркер фигурирует в эпизоде диалога Дыдая и Эрмезя. Эрмезь просит друга дать воды, чтобы успокоить сердце, унять душевную тоску и прогнать усталость. Здесь рождается аналогия с мертвой и живой водой, используемой для оживления разрубленного на части Ивана-царевича. Но у Я. Я. Кулдуркаева вода оживляет не буквально погибшего героя, а утомленного физически и эмоционально. Живительные способности воды наполняют Эрмезя новой силой.

Кроме сказочных мотивов, в поэме звучат и мифологические. Например, Эрмезь и Котова, счастье которых невозможно, превращаются в березу (Котова) и холодный камень (Эрмезь): береза-Котова стоит посреди эрзянской земли, и каждую весну девушки водят вокруг нее хороводы и поют песни.

Действительность и фантастика, взятая из волшебной сказки и демонологической былички, крепчайшим образом связаны в поэме Я. Я. Кулдуркаева: Сура и Мокша, Пургас и Пурейша, русский и половецкий князья есть исторические приметы. Ведьмаки и ведьмы, разъезжающие на свиньях, свиное стадо, превращающееся в войско, кочедык, сам плетущий лапти, и челнок, сам прядущий нить, есть фантастические детали.

Основная идея в художественном произведении воплощается в образе главного действующего лица – выразителя авторской концепции реальной действительности. Но в данном случае отношения с запредельным миром делают образ Эрмезя в некотором роде алогичным. В волшебных сказках герой тоже контактирует с Бабой Ягой, Кошмеем Бессмертным, Морским царем, Серым Волком, Коньком Горбунком и т. д. Он и сам может быть волшебником, обладать даром оборотничества. В поэтической сказке, каковой является «Эрмезь», герой тоже мог бы обладать такими чертами, если бы не был презентован как сын исторически реального князя Пургаса. Пребывание в пространстве двух миров, человеческом и демоническом, не может быть ничем оправдано в данном случае. А вот товарищ Эрмезя – Дыдай, созданный по модели персонажа волшебной сказки, на наш взгляд, полноценен и легко существует в фантастическом и реальном хронотопах.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в поэме «Эрмезь» звучат мотивы волшебного-фантастических сказок, но сюжет, герои и язык – авторские. Я. Я. Кулдуркаев, обращаясь к фольклорному материалу, пытался решить креативные задачи. Несмотря на это, автор абсолютно правильно применяет законы фольклора, грамотно используя основные

сюжетообразующие элементы волшебной сказки (враждебный тесть; трудные задачи; связь с потусторонним миром; предметы, дающие изобилие; волшебные предметы, помогающие герою; похищение невесты; ночная старуха, напоминающая Бабу Ягу; дом в лесу; защемление рук колдуна в расщелине дерева; переправа через мост; живительная вода; змей; бой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гераськин Т. В., Шаронова Е. А. Фольклорно-исторические контексты повествования в романе-сказании К. Г. Абрамова «Пургаз» // Финно-угорский мир. – 2013.– № 4. – С. 12-17.
2. Гудкова С. П., Шаронова Е. А. Особенности интерпретации фольклорного материала в современной литературе (на примере поэмы А. М. Шаронова «Иван и Жар-птица» // Гуманитарные науки и образование. – 2014.– № 2.– С. 163-164.
3. Кулдуркаев Я. Я. ды лият. Кезэрень пингеде. Эрзянь раськеде. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994.– 136 с.
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.– 368 с.
5. Русские сказки: Из сборника А. Н. Афанасьева / сост., послесл. и словарь малоупотреб. и обл. слов В. П. Аникина. – М.: Изд-во худ. лит-ры, 1987. – 383 с.
6. Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина 1930–1960-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 4-1 (34). – С. 163-167.
7. Федосеева Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 212 с.
8. Шаронова Е. А. Сюжетообразующая роль песни «Не по плису, не по бархату хожу, а хожу, хожу по острому ножу...» в романе «Обитель» Захара Прилепина // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа: сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. – С. 144-147.
9. Шеянова С. В. Мордовский исторический роман в финно-угорском литературном дискурсе 1980-2000-х гг. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 105 с.